

ВИКТОР ИВАНОВИЧ САРИАНИДИ — ЛЕГЕНДА АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Середина XX в. ознаменовалась значительными изменениями в археологии Средней Азии. В 50–60-е гг. продолжали трудиться, возглавляя экспедиции и археологические отряды, многие из тех, кто являлся основоположниками среднеазиатской археологической науки, но их ряды постепенно таяли. В науку вливалась и набирала силу поросль молодежи, поколения тех, кто прошел или пережил Великую Отечественную войну. Среди них был и Виктор Сарияниди — выпускник кафедры археологии Средней Азии САГУ — Среднеазиатского (теперь Ташкентского) государственного университета. В те годы кафедра давала очень основательную подготовку в области археологии Средней Азии. Наряду с общеисторическими курсами, студентам читали целый цикл специальных дисциплин. Основатель и заведующий кафедрой проф. М. Е. Массон являлся археологом очень широкого профиля. История, археология, нумизматика, архитектура, историография древней и средневековой Средней Азии — все это входило в круг его интересов. Организованные им экспедиции внесли серьезный вклад в изучение среднеазиатских древностей. В это время он возглавлял Южно-Туркменистанскую археологическую экспедицию (ЮТА-КЭ), в которой участвовали студенты и аспиранты кафедры. Вместе со всеми В.И. Сарияниди слушал курсы А.А. Семенова по истории Средней Азии, Л.В. Ошанина по этнической антропологии, изучал всеобщую историю. На кафедре читались курсы общей археологии, археологии Средней Азии, исторической топографии среднеазиатских городов, среднеазиатской нумизматики, архитектуры Средней Азии, искусства Востока, четвертичной геологии и другие. Главные курсы вел сам М.Е. Массон, а также Г.А. Пугаченкова. Они обладали фундаментальными знаниями и были прекрасными лекторами. Отдельные курсы читали аспиранты кафедры Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский, которые также проводили студен-

ческую практику в Самарканде и Бухаре. М.Е. Массон считал, что студенты с самого начала обучения должны вовлекаться в исследовательскую работу. Он организовал СНАК — студенческий научный кружок, на котором считали за честь выступить специалисты разных научных учреждений Ташкента, историки и археологи, приезжавшие из Москвы и Ленинграда. Строжайшая дисциплина (шеф был очень строг) сочеталась с атмосферой общей увлеченности археологией и культом научных исследований. Каждый знал, что нужно научиться не только раскопной технике, ибо процесс раскопок — это одновременно процесс исследования памятника. М. Е. Массон требовал от своих учеников усвоения обширного запаса знаний, активного знания множества фактов. Он повторял, что в экспедиционных условиях нет возможности обратиться к книгам, справочникам; надо владеть знаниями активно, чтобы использовать их для исследования памятников в полевых условиях.

Именно такую школу прошел В.И. Сарияниди и именно в процессе этих занятий и первых экспедиций он получил сильнейший импульс к будущим археологическим изысканиям. Он уже много знал и умел, но еще не представлял, чем, собственно, будет заниматься, в какой области археологии будет работать.

Через три года после окончания учебы В.И. Сарияниди переезжает в Москву и становится сотрудником Института истории материальной культуры (теперь — Институт археологии Российской Академии наук). Здесь выходец из Средней Азии попадает в совсем иную научную среду, где господствовала другая иерархическая система, чем на кафедре археологии САГУ. В Москве вместо одного корифея он оказался среди целой плеяды корифеев. То же самое было в Петербурге, где находилось тесно связанное с головным институтом Ленинградское отделение. Рядом с корифеями трудились сотрудники среднего поколения и совсем мо-

лодые сверстники В.И. Сарияниди. Научная жизнь была ключом: научные заседания, симпозиумы, конференции, доклады о новых открытиях и исследованиях. Почти сразу выяснились пробелы в университетском образовании. Последние открытия в Южном Туркменистане вынудили В. И. Сарияниди обратиться к археологии эпохи бронзы. В Москве стало очевидно, что для понимания памятников бронзового века Южной Туркмении одного труда Р. Пампелли и тощей стопки статей советских авторов было недостаточно. Нужно было знать все об энеолите, бронзе и раннем железе не только всех районов Средней Азии, но и Афганистана, Ирана, Месопотамии, одним словом — Переднего Востока. А это многие десятки томов публикаций, исследований, каталогов, сотни статей. Многие из них были в московских и ленинградских библиотеках, и начинающий ученый день за днем проводил за письменным столом, читая, комментируя, осваивая огромный материал, накопленный в мировой науке. Так В. И. Сарияниди самостоятельно прошел второй цикл университетского образования, на этот раз специализированного, под руководством крупнейших специалистов мира в области переднеазиатской археологии.

Все это чередовалось с частыми и продолжительными экспедициями в Южную Туркмению. В Геоксюрском оазисе (былая дельта реки Теджен) он изучает энеолитические памятники. Их исследование завершилось в 1963 г. защитой кандидатской диссертации. Через пару лет на базе этой диссертации в 1965 г. он издал книгу «Памятники позднего энеолита юго-восточного Туркменистана». Институт издал эту книгу в очень солидной серии «Свод археологических источников» в качестве отдельного тома. Можно представить себе радость автора — это была первая его книга. Сейчас, когда В.И. Сарияниди опубликовал множество (более трех десятков!) научных и научно-популярных книг, об этом своем первенце он вспоминает с нежностью и налетом грусти («Как молоды мы были, как бешено любили, как верили в себя...»).

Кандидатская диссертация, первые четыре десятка статей, первая книга возвестили, что в археологии появился новый исследователь, вступающий в пору научной зре-

лости. К тому времени он прекрасно знал всю Южную Туркмению, от Мисрианского плато на западе до Амударьи на востоке. Больше всего его влекла юго-восточная Туркмения, низовья Теджена и особенно Мургаба. Он понимал, что в засыпанных песками Каракумов старых дельтовых руслах Мургаба могут, могут скрываться остатки древнейшей цивилизации. Пустыня манила его и, как ясно из серии его прекрасных научно-популярных книг, он влюблен в нее. В мареве жгучего солнца он изъездил и исходил сотни и тысячи километров. Ни изнурительная жара, ни пыльные бури, ничто не могло остановить его неустанный поиск. Взбираясь на гряды барханов, он видел впереди новую гряду — его окружало песчаное море с торчащими кривыми ветвями саксаула, море, кое-где прерывающееся островками — гладкими лужайками такыров, чью поверхность образовывала корка вековых натеков, покрытых причудливой вязью трещин. Охраняли это безмолвие песков лишь огромные ящерицы — вараны, но опасаться следует не их, а змей и каракуртов, чей укус нередко смертелен. Но мысленному взору археолога открывался совсем другой пейзаж: с протоками, наполненными водой, селениями и городами, окруженными зеленью полей и садов, среди которых проступали силуэты храмов и дворцов. И Виктор Иванович продолжил поиск, выявляя все новые и новые следы древних поселений и целые микрооазисы, исследовал и раскапывал их. И безжизненный мир пустыни наполнялся новыми ландшафтами: раскопанными поселениями, с их жилыми и монументальными зданиями, здесь действительно были храмы, дворцы, фортификационные сооружения, некрополи. Многие считали это фантазией, но на самом деле это было замечательное научное предвидение. Проходили годы, а затем десятилетия напряженного экспедиционного труда, появлялись все новые данные и новые факты и, отмечая сомнения и скепсис, В.И. Сарияниди вот уже полстолетия трудится на окраине пустыни Каракумы, делая открытия, которые потрясли мир ученых и позволили Виктору Ивановичу внести новые идеи и гипотезы в концепцию древневосточных цивилизаций.

Это стало возможным еще и потому,

что В.И. Сарианиди не ограничился Маргианой, а одновременно стал изучать и другой важнейший регион древней Центральной Азии — овеянную крылатыми греческими легендами Бактрию. Ее северная часть располагалась к северу от Амударьи, в южных областях современных Таджикистана и Узбекистана, а южная часть — к югу от Амударьи, в северных провинциях Афганистана. Ситуация с археологическим изучением обеих частей была совершенно различна. На севере российские, узбекские и таджикские археологии планомерно исследовали территорию и проводили раскопки на памятниках различных эпох — от каменного века до позднего средневековья. В Афганистане с 1922 г. работали Французская археологическая миссия, вначале монополярно, затем работы стали производить также японские, американские, германские, итальянские исследователи. Все они, за редким исключением, проводили полевые исследования в восточной половине Южной Бактрии, сделав там замечательные открытия, среди которых были памятники мирового значения, в частности Ай-Ханум и Сурх-Котал. Северо-западная полоса Бактрии при этом оставалась малоисследованной. Образованная в 1969 г. Советско-Афганская экспедиция сосредоточила свои усилия именно в этой части Бактрии. Ядро экспедиции составляли сотрудники Академии наук СССР, особенно Института истории материальной культуры; в экспедиции также работали археологи из Академий наук среднеазиатских республик. В.И. Сарианиди возглавил один из отрядов экспедиции.

Его сразу же привлекла широкая полоса, прилегающая к Амударье. Вдоль великой реки на протяжении 250 км тянется широкий пустынный пояс — своеобразный «песчаный залив» Великих Каракумов на теле Бактрийской долины. Попав сюда, Виктор Иванович был потрясен: он записал в своем дневнике: «Ландшафт левобережья Амударьи или древней Бактрии, где нам предстояло работать, до удивления напоминал полупустынный пейзаж соседнего Туркменистана. Те же ровные глади такыров, перемежающиеся с небольшими барханными грядами песка, за которыми опять идут “пятна” такыров» (Сарианиди, 1993, с. 55). Свирепые

ветры, настоящие песчаные бури, затягивали горизонт, сужали его до нескольких десятков метров, сквозь пылающую жаром мглу, мутным пятном едва просвечивало солнце. Когда-то через эти пески с трудом прошли греко-македонские фаланги Александра Македонского, и все сложности этого похода описали его летописцы; уже в XIX в. то же самое писали пересекавшие эту пустыню русские путешественники. Но все предстоящие трудности не пугали В.И. Сарианиди, у него за плечами были годы работы в «больших» Каракумах. Судя по публикациям, он думал совсем о другом. Несмотря на сходство ландшафтов, природные условия низовьев Мургаба и Южной Бактрианы имели определенные, причем существенные, отличия: В.И. Сарианиди учитывает их, и его разведки быстро приводят к новым открытиям. В Давлетабадском, Фарукабадском и Дашлинском оазисах он обнаружил и исследовал множество памятников эпохи бронзы. Среди них были могильники и поселения двух типов: неукрепленные и с крепостью, окруженные жилой застройкой. Особенно интересными оказались планировка и фортификация поселений Дашлы-1 и Дашлы-3. На первом поселении были мощные стены, окружавшие прямоугольную площадь и снабженные угловыми и прямоугольными башнями и воротами, также фланкированными башнями.

Большие раскопки были проведены на Дашлы-3, где вскрыта часть дворцово-культового комплекса. В центре находилось круглое сооружение с двойным рядом стен и галерей между ними, причем они были разделены на отсеки. Внешняя стена была снабжена девятью небольшими полыми башнями. В центре круглого двора имелось многокомнатное здание. Укрепленная круглая центральная часть была обведена тремя кольцами застройки, разделенными полигональными стенами. Весь комплекс был обведен мощной внешней стеной.

На этом же памятнике, неподалеку от круглого сооружения, которое, судя по облику очагов (часть из них — алтари) было культовым, возможно храмом. Другое прямоугольное сооружение, которое В.И. Сарианиди назвал дворцом, построено по сложной планировочной схеме, помещения

были тщательно отделаны, в некоторых применялась для украшения алебастровая мозаика. Проводились и раскопки погребений, особенно на Дашлы-3. Кроме того, В.И. Сарианиди сумел зафиксировать обширный массив изделий из разграбленных могил Бактрии. В распоряжении исследователя оказался огромный комплекс керамики, бронзовых изделий, металлических печатей и других артефактов. Все это дало возможность охарактеризовать бронзовый век Южной Бактрии. Это было колоссальным открытием Виктора Ивановича Сарианиди — Южная Бактрия обрела целую эпоху своего существования. Как тогда заключил исследователь, «...является бесспорным, что материальная культура Бактрии и Маргианы второй половины II тысячелетия до н. э. тождественны». Он даже добавил, что целесообразно «обозначить материальную культуру Маргианы и Бактрии как бактрийско-маргианскую археологическую культуру» (Сарианиди, 1977, с. 106). Этот термин и его сокращение — БМАК прочно вошли в науку, а некоторые западные ученые предлагают называть этот комплекс иным, географическим, не вполне удачным термином «цивилизация Окса». Но это, безусловно, был один из типов древневосточной цивилизации, и его открытием и определением наука обязана именно В. И. Сарианиди.

Работы в Маргиане и Бактрии, приведшие к открытию БМАК, дали ответ на один важный исторический вопрос. Из Бехистунской надписи (VDB, III, 10–21) явствовало, что Маргиана в конце VI в. до н. э. входила в состав Бактрии. Историки не могли понять причину этого. Но теперь стало ясно, что политические события имели историко-культурный фон, и что такое объединение имело очень древние историко-культурные предпосылки.

Античные авторы донесли до нас сообщения о величии Бактрии, несметных богатствах, о неведомом плодородии ее земель, множестве городов. В столице области, городе Бактра, находилась резиденция сатрапа, который обычно был родственником ахеменидского царя. Как сообщает ахеменидский царь Дарий I в своей Бехистунской надписи, в провинции Маргиана произошло восстание. По приказу царя, бак-

трийский сатрап Дадаршиш выступил с армией против мятежников, и они были разбиты (это произошло 10 декабря 522 г. до н. э.). В конце рассказа об этом восстании и его разгроме Дарий I добавил: «Вот что сделано мною в Бактрии» (VDB, III, 10–21). Абсолютное большинство ученых на основании этого свидетельства считает, что Маргиана в ахеменидское время входила в состав Бактрии.

Французская археологическая миссия не нашла подтверждений того, что Бактрия ахеменидского времени была богатейшей страной с очень высокой культурой. Посвятивший многие годы поиска археологических свидетельств былого величия Бактрии основатель Французской археологической миссии в Афганистане А. Фуше в конце концов в сердцах изрек ставшую популярной фразу о «бактрийском мираже». Но уже во второй половине XX в. сквозь завесу неудачных поисков стали проступать отдельные величественные контуры: сначала Д. Шлюмберже осуществил раскопки замечательного памятника кушанской эпохи — Сурх Котал, а затем П. Бернар открыл миру великолепие эллинистической культуры Афганистана. Но ахеменидская эпоха по-прежнему оставалась «черной дырой» в истории Бактрии. И тут, наряду с названными выше великими археологами, на сцене бактрийской археологии на рубеже 60 и 70-х гг. XX в. появился Виктор Иванович Сарианиди, который в археологии Бактрии был новичком. Мало кто из зарубежных специалистов знал, что у этого «новичка» пятнадцатилетний опыт успешных экспедиций в песках Каракумов, множество открытий. Тогда еще никто не подозревал, что В.И. Сарианиди обладает необычайным археологическим чутьем и прозорливостью, которые не могут быть заменены никакой книжной эрудицией. Именно эти качества позволили В.И. Сарианиди обнаружить ранее неизвестные памятники эпохи бронзы на севере Афганистана. За ними последовала целая серия новых открытий — были обнаружены и исследованы памятники ахеменидского времени.

В Фурукабадском оазисе В.И. Сарианиди обнаружил и обследовал поселение Кутлуг-тепе. Вытянутая почти на километр, площадь поселения частично засыпана пес-

ком. На поверхности — много фрагментов ахеменидской керамики, выделяются остатки гончарных печей. В южной части поселения находился небольшой холм (40x40 м, при высоте около 4 м). Внутреннее чутье подсказало В.И. Сарияниди, что этот холм надо раскопать. Действительно, раскопки открыли монументальное здание — первое монументальное сооружение ахеменидского времени в Бактрии. Сооружение имело необычайный — круглый план. В центре был круглый двор, он был окружен двумя кольцевыми галереями, стены этих галерей рассечены частыми щелями, служившими для освещения. Круглое сооружение вписано во внешнюю ограду сложной формы с очень массивными стенами. Внутри центрального круглого двора были прямоугольные помещения. У одного из них стены были покрыты белой штукатуркой; имелись алтари.

Монументальное сооружение на Кутлуг-тепе В.И. Сарияниди считает сакральным. Действительно, сама планировка сооружения совершенно необычна для архитектуры ахеменидского времени. До раскопок В. И. Сарияниди к числу таких построек относилась лишь хорезмийская Кой-Крылган-кала, которая, безусловно, является культовым сооружением. На Тахти-Сулеймане (северо-западный Иран) комплекс храма заключен в круглую ограду. На территории Бактрии имеется значительно более древнее, эпохи средней бронзы, культовое сооружение — храм Дашлы-3, что прямо свидетельствует о наличии традиции возведения многих таких сакральных сооружений. Была ли эта связь лишь архитектурно-типологической или же существовала преемственность и в культово-религиозных представлениях, — однозначный ответ на этот вопрос пока дать трудно. О культовой природе Кутлуг-тепе свидетельствует многослойная изоляция от внешнего мира. Наиболее сакральным является, очевидно, внутренний двор с алтарями и зданием с белой штукатуркой (белый цвет в зороастризме был связан с выражением принадлежности к религии). Как показал В. Н. Топоров, «жертвоприношение совершалось не только в максимально сакральном месте, но и в максимально сакральном времени, точнее — на стыке старого и нового года (если гово-

рять о главном жертвоприношении), когда Хаос одолевает Космос. Понятно, что благополучие данного социума зависит от умения царя-жреца найти эту сакральную точку в пространстве и времени. Лишь найдя ее, можно было определить место и время жертвоприношений и через него — всю структуру пространства, занимаемого данным коллективом — алтарь, храм, поселение, его границы (четыре стороны света) и его временные координаты» (Топоров, 1974, с. 13). Невольно хочется сделать примечание, перефразируя слова знаменитого ученого: «Виктор Иванович Сарияниди на безбрежной равнине Южной Бактрии нашел в нужное для науки время самую сакральную точку, нашел поселение, храм и алтарь!»

Сама форма Кутлуг-тепе — круг, находит аналогию в авестийской Var (Vara) (Bartholomae, 1961, Sp. 1363–1364). Такой термин применен в «Видевдате» (Vd., 2, 25) при описании построенного Йимой по повелению Ахура-Мазды сооружения для рогатого и мелкого скота, людей, собак, птиц и для «горения красных огней». И Йима выполнил повеление, сообщаются размеры этого Var. Х. Бартоломе переводил этот термин как «Burg» — «замок», переводчики «Авесты» считали, что Var был квадратным или прямоугольным сооружением. С. П. Толстов, опираясь на эти переводы, связывал с авестийским Var некоторые хорезмийские прямоугольные сооружения (Толстов, 1948, с. 81–82). Однако специальный лингвистический анализ соответствующих авестийских пассажей, проведенный выдающимся иранистом И. М. Стеблин-Каменским, привел его к заключению, что в авестийских текстах Var — круглое сооружение. Он пишет, что «Var Йимы не был квадратом или прямоугольником, а состоял из трех концентрических кругов с девятью проходами во внешнем круге (кольце), с шестью проходами в среднем и тремя во внутреннем круге». При этом И. М. Стеблин-Каменский указал на наличие таких сооружений в Северном Афганистане, открытых раскопками В.И. Сарияниди. И. М. Стеблин-Каменский указал и на другие культовые сооружения древних и современных зороастрийцев, имеющие круглый план (Steblin-

Kamensky, 1995, p. 307–310)¹.

Многослойная ограда отделяла сакральный мир храма от окружающего профанного мира. Отголоски этих представлений вошли в похоронный ритуал современных зороастрийцев — парсов. По свидетельству Д. Модии, у парсов труп кладут на каменную плиту, вокруг которой пальцем или каким-либо острием проводят три круга — и никто не может войти в этот круг (Modi, 1922, p. 56–58). В Кутлуг-тепе три ограды преграждали доступ в иное сакральное пространство, но суть дела от этого не меняется.

Но В.И. Сарияниди открыл еще ряд ахеменидских памятников. На одном из них — Алтын 10 (Дашлинский оазис) он обнаружил и раскопал два монументальных сооружения. Оба сооружения на окраине большого поселения эпохи поздней бронзы. Первый объект имеет прямоугольный план (50 x 85 м) и обведен стеной. Дворы отделены друг от друга цепочкой помещений. Во внешних углах каждого из дворов по меньшему квадрату помещены с опорным столбом в центре. Вдоль стены дворов также находятся опорные столбы, на которых есть следы обгорелости. Ясно, что по периметру имелся айван с деревянным перекрытием. В центральном помещении срединной группы помещений — следы лестницы (второй этаж?). В.И. Сарияниди считал это сооружение летним дворцом. Светское назначение этого сооружения бесспорно, но конкретное назначение, на наш взгляд, уточнить сложно.

Второй комплекс имеет квадратный план. Это комплекс (36 x 36 м), окруженный стеной и с центральным двором. В углах комплекса — два прямоугольных помещения с двумя подпорными столбами и два меньших по размеру подквадратных, со столбами. Двор с трех сторон окружен обходным коридором, в котором открываются примыкающие к наружной стене узкие прямоугольные помещения. Все помещения изнутри имеют двухслойную алебастровую штукатурку. В одном из угловых помещений на полу — слой золы,

а стены частично закопчены. Над слоем золы — система трехступенчатых, квадратных в основании, гипсовых пирамидок, покрытых слоем алебастра.

Данных для определения назначения этого комплекса почти нет. Возможно, это была жилая усадьба с домашним храмом огня. Вблизи располагались остатки еще двух монументальных сооружений.

Так произошло открытие ахеменидских памятников Южной Бактрии. Огромная лакуна в бактрийской истории была заполнена!

В 1975 г. В.И. Сарияниди защитил докторскую диссертацию на тему «Афганистан в эпоху бронзы и железа», а в 1977 г. она с дополнениями была опубликована под названием «Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.». Главную часть этой книги занимает публикация материалов и исследование памятников эпохи бронзы и раннего железа — тех памятников, о которых (очень кратко и неполно) говорилось выше. Поразительно уже то, что, получив колоссальный материал, В.И. Сарияниди, работая над его осмыслением параллельно с раскопками, сумел подготовить его через пару лет после завершения этого цикла своих полевых исследований. Это явилось результатом удивительной целеустремленности в сочетании с невероятной работоспособностью. Обычно разработка материалов такого объема растягивается на многие годы, а то и десятилетия.

Появление этого замечательного труда стало знаменем того, что В.И. Сарияниди не только «счастливчик», как многие специалисты до того считали, но и первоклассный исследователь, свободно оперирующий материалами не только Средней Азии, но всего Ближнего и Среднего Востока, от Леванта и Малой Азии до границ Индостана, человек, выдвигающий и обосновывающий новые гипотезы и идеи. Книга до сих пор является одним из основополагающих трудов в археологии Центральной Азии.

Здесь нет возможности даже кратко охарактеризовать хотя бы главные идеи и итоги этой публикации. Помимо того, что уже говорилось выше, отметим, что открытие и изучение памятников эпохи бронзы

¹ О других примерах круглых культовых сооружений на Переднем Востоке см.: Мамедов, 2003, с. 89–95.

позволило более глубоко исследовать процесс появления и расселения носителей культуры эпохи бронзы как в Южной Бактрии (Северный Афганистан), так и на территории Северной Бактрии (Южный Узбекистан и Южный Таджикистан). В.И. Сарияниди опубликовал и многие материалы, в том числе печати, орудия и оружие, из грабительских раскопок в Северном Афганистане. Все это создало предпосылки для более глубокого понимания культуры БМАК (бактрийско-маргианского археологического комплекса), ее сложения, распространения и содержания.

Памятники ахеменидского времени оказались чрезвычайно важными и для решения проблем генезиса культуры этой эпохи в Бактрии. Автор книги исследовал их с глубоким знанием соответствующих публикаций по Афганистану и Ирану. Он высказал мнение, что монументальная архитектура этой эпохи генетически связана с архитектурой эпохи бронзы, в частности, с культурой Маргианы. Значительно позднее опубликованные исследования историков древней архитектуры Г.А. Пугаченковой и Д. Хуфа во многом покоятся на материалах и исследованиях В.И. Сарияниди (Pugachenkova, 1982; Huff, 2001).

Вместе с тем исследователь отмечает наличие определенных переключек между архитектурой ахеменидской Бактрии и архитектурой того же времени иранского Систана. В своих сопоставлениях В.И. Сарияниди использовал лишь данные, содержащиеся в первом предварительном отчете о раскопках Дахани-Гуламан и в соответствующем разделе книги К. Шиннмана «Иранские храмы огня». Последующие публикации этих раскопок подтвердили идею об определенной связи бактрийской и систанской монументальной архитектуры (Scerrato, 1966, 1970, 1972, 1979 и др.; см. также труды по истории зороастризма в Иране, особенно G. Gnoli, M. Boyce, F. Grenet и др.).

Открытые В.И. Сарияниди монументальные архитектурные сооружения принципиально отличаются от монументальных памятников ахеменидской эпохи в Западном Иране и являются, как выяснил автор раскопок, продолжением архитектурного эволю-

ционного ряда, восходящего к бактрийско-маргианским памятникам зодчества эпохи бронзы. Однако теперь в Северной Бактрии открыт Храм Окса, построенный в самом конце ахеменидской эпохи — начале эллинизма. Этот храм демонстрирует синтез местных бактрийских и западноиранских элементов, как в архитектурной композиции, так и в архитектурных формах и деталях. Сложение и развитие бактрийско-маргианской архитектуры шло из нескольких источников и осуществлялось непростыми путями (Литвинский, 1996; Литвинский, Пичикян, 2000). Исследование этого процесса было положено открытиями В.И. Сарияниди.

Но череда замечательных открытий продолжилась. В свой первый полевой сезон в Афганистане в 1969 г. В.И. Сарияниди начал изучать небольшой памятник Тиллятепе («Золотой холм»). Затем он, с перерывами, вновь и вновь возвращался к нему. С одной стороны, были получены подробные сведения об этом холме. Шурфы позволили выяснить его стратиграфию, удалось раскопать монументальное здание, по-видимому, храм раннежелезного века и выяснить историю существования этого храма, обнаружить фортификацию, сделать много находок. И все же во время экспедиции осенью 1978 г., он вновь направился на Тиллятепе, словно какая-то мистическая сила, несмотря на все опасности и трудности, влекла его именно туда.

Приведу отрывок из записей, сделанных В.И. Сарияниди во время этой находки:

«Работа предстояла необычная, так как страна [Афганистан — *Б. Л.*] в это время переживала бурные события. Нередко на горизонте за песчаными барханами мы видели силуэты вооруженных всадников. Недоброжелатели, настроенные против новой власти, распускали о нас всевозможные слухи, стараясь всячески помешать нормальной работе экспедиции. Но как бы то ни было, мы успешно продолжали начатое дело.

С первых чисел ноября погода начала с каждым днем ухудшаться. С Пянджа потянуло сыростью, низкие тучи принесли морозящие дожди. Промозглый ветер и понизившаяся температура воздуха наводили нас на мысль о завершении работ. Особенно ис-

портилась погода к 12 ноября. Начавшийся еще ночью холодный, мелкий дождь заставил нас к середине дня прервать раскопки.

...Весь следующий день 13 и отчасти 14 ноября опять шел проливной дождь, и ни о каких раскопках не могло быть и речи. Утром 15 ноября погода немного улучшилась, и, хотя еще было пасмурно и очень сыро, мы возобновили работы на холме. Как только под лопатами рабочих мелькнули первые желтые диски золотых бляшек, раскопки на этом месте были приостановлены, рабочие переведены на другой участок, а археологи принялись осторожно зачищать площадку, на которой были найдены золотые вещи. Уже вскоре под их щетками, кисточками и совками появились плохо сохранившиеся кости, а затем и полуразрушенный человеческий череп. Стало ясно, что здесь в древности находилось захоронение с незаурядными погребальными приношениями.

...Расчистка первого захоронения некрополя Тилля-тепе еще только началась, а широкая молва уже разнесла по окрестностям слухи о находке золотого человека, погребенного в золотом гробу, о пудовых золотых слитках, о кувшинах, доверху наполненных драгоценностями. Так рассказывали «очевидцы» на улицах, базарах и дома в кругу семьи. Пешком и на велосипедах, верхом на ослах и лошадях, в фаэтонах и машинах люди толпами устремились к месту раскопок. Началось настоящее столпотворение. Временами около Тилля-тепе собирался целый автопарк из пассажирских автобусов, легковых и грузовых машин, и уже вскоре от асфальтированного шоссе в сторону холма протянулась хорошо накатанная грунтовая дорога.

...Между тем приближалась зима. Холодный дождь начал заливать глубокие могильные ямы. Через щели фанерных «домиков» и палаток, возведенных над каждым захоронением, капала вода. И в этих условиях археологам надо было расчистить и зафиксировать на чертежах каждую золотую бляшку или жемчужину, а их были сотни и даже тысячи. В конце ноября начались снежные вьюги. Озябшие, красные от холода пальцы с трудом держали пинцет для расчистки скелета или карандаш для нанесения находок на план. Но нужно было довести работу до кон-

ца. Почти полгода дружный коллектив экспедиции трудился с энергией и энтузиазмом, порой на пределе своих физических сил. Всего было обнаружено семь, а раскопано шесть таких захоронений, в которых было найдено двадцать тысяч золотых изделий» (Сарианиди, 1983, с. 142–143; см. также: Sarianidi, 1985, р. 9–12).

Было обнаружено семь погребений, шесть из них раскопаны. Погребения совершались в простых могильных ямах глубиной ок. 2 м. В яму ставили деревянный гроб без крышки, в котором находился покойник (покойница), лежащий на спине с вытянутыми ногами и положенными вдоль тела руками. Гробы не имели деревянных крышек, а были завернуты в погребальный полог, украшенный огромным числом золотых бляшек, или же вставлены в кожаный футляр. Сверху могильная яма была перекрыта деревянными плахами, напольное сооружение отсутствовало.

Могильные ямы были впущены в культурный слой и, следовательно, захоронения были совершены позже прекращения жизни на холме, которое произошло в сер. I тыс. до н. э. Инвентарь же погребальный (см. ниже) относится к кушанскому времени. Всего в полукилометре находится город кушанского времени Емши-тепе. В.И. Сарианиди высказал остроумную и довольно правдоподобную догадку, что это захоронение представителей кушанской знати, чьей резиденцией был город на Емши-тепе, причем захоронения, совершенные тайно, дабы уберечь богатейшие погребения от грабителей. Погребенные были одеты в многослойные парадные одежды, украшенные множеством золотых орнаментальных бляшек, дисков, полосок и т. д. В гробах лежали различные золотые и серебряные предметы и украшения.

В процессе раскопок был получен огромный комплекс погребального инвентаря, включающий около 20 тысяч ювелирных украшений, большинство из которых были золотыми, небольшая часть серебряными, с большим количеством инкрустаций (бирюза, сердолик, лазурит), каменные бусы, два китайских зеркала, монеты и др.

Для датировки некрополя были очень важны монеты, а также китайские зеркала.

Описание и определение нумизматических находок было опубликовано в специальной статье В.И. Сарияниди и Г.А. Кошеленко. Согласно их определению, монеты и, соответственно, погребения датируются временем I в. до н.э. — I в. н.э. (Сарияниди, Кошеленко, 1982). Эта датировка приводилась В.И. Сарияниди в последующих публикациях некрополя. Затем к анализу некрополя обратился Е.В. Зеймаль, который привлек для датировки и китайские зеркала. Согласно его исследованию, монеты и зеркала должны относиться ко второй и третьей четверти I в. н.э. (Zeimal, 1999). Разумеется, так датируются именно монеты, зеркала и сами погребения, что же касается всего массива находок, вопрос обстоит значительно сложнее (см. ниже).

Раскопки некрополя вызвали огромный интерес не только у населения Северного Афганистана, но и у мировой массовой медиа. Телевидение, самые крупные и авторитетные газеты и журналы помещали репортажи, статьи, фотографии. Это был подлинный триумф!

В.И. Сарияниди сразу же после возвращения из экспедиции начал упорно трудиться над изучением найденных сокровищ. До этого он занимался памятниками эпохи энеолита-бронзы-раннего железа. Сейчас же предстояло войти в иной мир — мир кушанской культуры, ее связей с эллинистической, римской и индийской культурами, с одной стороны, со скифами и сибирско-скифской культурой — с другой стороны. И В.И. Сарияниди погрузился в дебри кушанской культуры, греческой мифологии, античного искусства. Конечно, много дало тесное общение с коллегами-античниками, также работавшими в Институте археологии в Москве, особенно с выдающимся знатоком античности Г.А. Кошеленко. В 1979 г. оба автора готовили совместный доклад «Царский некрополь античного времени на поселении Тилля-тепе» (были опубликованы лишь тезисы), а в 1982 г. была напечатана важная совместная статья о монетах из некрополя. Следует упомянуть совместную с Е.Е. Кузьминой статью о типах головных уборов и несколько отчетных статей, написанных вместе с участниками Советско-Афганской экспедиции. Вместе с тем, уже в 1979 г.

Виктор Иванович публикует в «Вестнике Академии наук СССР» большую и весьма информативную статью о своих раскопках некрополя Тилля-тепе и еще шесть своих единоличных статей в СССР, Афганистане, США, Италии, ГДР, Франции. В 1982 г. увидела свет изданная в Кабуле на русском и языке дари, небольшая, но обильно иллюстрированная книжка «Сокровища кушанской Бактрии». Большой материал был приведен в вышедших в 1983–1984 гг. в Москве двух научно-популярных книгах «Афганистан: сокровища безымянных царей» (1983; в 1988 г. опубликована в Токио в переводе на японский язык) и «Бактрия сквозь мглу веков» (1984). Одновременно готовилось и полное издание материалов некрополя. В 1985 г. в Ленинграде издательство «Аврора» издало большой, выполненный на самом высоком полиграфическом уровне роскошный том «Bactrian Gold. From the Excavations of the Tilla-tepe Necropolis in Northern Afghanistan». В этом томе В.И. Сарияниди дал полное описание раскопок погребений и опубликовал все находки с великолепными цветными иллюстрациями. Не ограничиваясь детальным описанием всех предметов погребального инвентаря, В.И. Сарияниди предложил их атрибуцию и привел определенные аналогии. Этот фундаментальный труд заложил основу для дальнейшего исследования комплексов некрополя Тилля-тепе. Он сам продолжил это исследование, выпустив книгу «Храм и некрополь Тилля-тепе». Здесь, помимо ряда дополнительных данных в описательной части, излагаются взгляды автора на происхождение той группы ранних кушан, которые оставили некрополь, выявляются связи погребального инвентаря с изделиями пазырыкской культуры, ставится проблема кочевников в истории Бактрии, специально исследуется бактрийское златоделие и т. д. Ценный материал собран в приложенных к книге статьях научно-технического содержания. Именно в этой книжке воспроизводятся части графической фиксации погребений, воспроизведены реконструкции костюмов.

Уже после первых публикаций возникла дискуссия, которая расширилась после появления фундаментальных публикаций. Вначале со своими замечаниями и

трактовками выступили некоторые советские ученые (Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпель и др.), но они не были достаточно обоснованными. Затем в дискуссию включились и западные ученые, в частности такие выдающиеся исследователи как Д. Боардман (J. Boardman), М. Пфроммер (M. Pfrommer) и др., но и их выводы не дают ответа на многие сложнейшие проблемы тилля-тепинского комплекса.

Автор этой заметки не имеет здесь возможности даже кратко охарактеризовать свое понимание этой проблемы — это потребовало бы слишком много места. Отмечу лишь, что остается неясным происхождение всего комплекса драгоценных предметов. Возможно, они были изготовлены бактрийскими ювелирами для новых правителей, но не исключено, что это награбленные пришельцами богатства, ранее хранившиеся в местных сокровищницах, в том числе храмовых. Никак нельзя исключить, что часть их была привезена с Алтая или близких к нему регионов. Вместе с тем мощный пласт эллинистическо-римских влияний указывает на возможность не только местного изготовления, но и далекого импорта. Изучать эту проблему можно лишь в широком евразийском контексте, как в области искусства, культуры, погребального обряда, так и этнолингвистической истории и верований. Так, например, погребенные были сплошь покрыты золотыми украшениями, это были «золотые люди». Мне уже приходилось писать об индо-иранских представлениях, связанных с погребенными «золотыми людьми» (Литвинский, 1982). Тилля-тепе, а теперь курганы Иссык и Аржан-2 заставляют вспомнить и об этой стороне проблемы.

Одним словом, В.И. Сарианиди, открыв некрополь Тилля-тепе, представил мировому научному сообществу великолепную публикацию и глубокое исследование. Сейчас ссылки на издания «Bactrian Gold», «Храм и некрополь Тилля-тепе» появляются чуть ли не в каждой работе, посвященной распространению эллинистического и римского искусства на восток, истории и культуре Центральной Азии и кочевого мира. Конечно, исследование материалов тилля-тепинского некрополя будет продолжаться многие десятилетия, а их фундаментом все-

гда будут оставаться труды В.И. Сарианиди.

Проводя раскопки в Бактрии, В.И. Сарианиди продолжал экспедиционные работы и в Маргиане. О начале этих исследований уже говорилось выше. Поворотным пунктом стала организация в 1972 г. Маргианской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР, позже к этой экспедиции присоединились и ашхабадские археологи. Эту экспедицию, естественно, возглавил В.И. Сарианиди. Именно тогда началось планомерное изучение археологии памятников низовий Мургаба. Были продолжены исследования уже известных памятников и в процессе разведок обнаружены ранее неизвестные памятники и даже целые древние оазисы, в 1974 г. были открыты Гонурский и Тоголокский оазисы и проведены пробные раскопки некоторых памятников. С 1977 г. экспедиция трудилась в Тоголокском оазисе, где было сосредоточено свыше 30 древних поселений. Здесь в 80-е гг. были осуществлены раскопки Тоголок-1 и Тоголок-21. Тогда же были начаты крупномасштабные раскопки на цитадели Гонур-1. Работы на этом памятнике усиливаются в 1988 г. и продолжают вплоть до настоящего времени.

Неподалеку от гряд песчаных барханов В.И. Сарианиди обнаружил и описал городище Гонур-депе в виде огромного неправильного овала (или подтреугольной) полосы, вытянутой с юга на север, площадью свыше 40 га. На поверхности выделялся центральный бугор высотой ок. 4 м, много более мелких всхолмлений и впадин. Был снят глазомерный план. Тщательным образом собрали подъемный материал. Эта работа, на первый взгляд, легкая, на самом деле требует невероятного напряжения и упорства, неиссякаемой веры в удачу. Но нельзя было забывать о главном: наносить находки на план городища или его участка. Так было и на Гонуре. В.И. Сарианиди опубликовал замечательную зарисовку нескольких часов этой работы и своих переживаний.

«Третий час, не присаживаясь, крутился я на Гонуре, петляя по склонам его бугров, не находя ничего стоящего. Все те же обломки керамики и ничего больше. Но бывало и среди них мы находили фрагмент чайника, носик которого оформлен был в

виде рогатой головы быка, или стенку сосуда, сохранившую нацарапанный рисунок, то в виде козлов, стоящих у дерева, то в виде каких-то знаков. Ну, на худой конец пусть обычный, но целый сосуд из развезенного погребения.

Ничего! Под ногами все те же бездарные, однотипные черепки и ничего более. Я вздохнул, сдаваясь судьбе, и двинулся по направлению к машине. И вот тут-то оно и произошло. Шагая к машине, я в тоскливой надежде машинально продолжал смотреть под ноги, отмечая в уме опостылевшие невзрачные черепки, куски шлаков от разрушенных керамических печей. Прошел еще несколько шагов и почему-то вернулся назад. Темный, ноздреватый обломочек керамического шлака, чем-то неуловимым вызвал особое к нему внимание. Я до сих пор не знаю, чем же он отличался от сотен таких же кусочков, что в изобилии были разбросаны вокруг каждого гончарного горна. Опыленные от сильного жара, почерневшие кусочки глины — они всегда сопутствуют древнему гончарному производству и в изобилии валяются на месте керамических отвалов.

Я вернулся, поднял заинтересовавший меня кусочек и только тогда понял, чем он отличается от своих многочисленных собратьев. Он имел четкую прямоугольную форму с ровными краями, что не было характерно для обычных кусочков шлака. Но убедился я в этом окончательно, когда стал внимательно рассматривать обе плоскости, лежащей у меня на ладони маленькой пластины. Сначала я ничего не мог разобрать в извилистых бороздках, образующих какой-то замысловатый узор, и, лишь перевернув на другую сторону, убедился, что это не игра природы и — даже не моего воображения, а специальный рисунок, выгравированный на стеатитовой пластине. На меня спокойно смотрел то ли бык, то ли овце-бык в окружении змей и драконов!

Я не стал рассматривать вторую сторону. Значение находки стало мне очевидным: это амулет с сюжетной композицией, единственное вещественное свидетельство духовной жизни людей, письменность которых не сохранилась или вообще не существовала. Мое состояние может понять только

тот, кто испытал эти захватывающие дух мгновения, ради которых, наверное, и живет археолог» (Сарианиди, 1993, с. 83–84).

Один из участников экспедиции ассириолог И. Клочков написал: «Несколько недель, проведенных в бесплодных песках на руинах древнего города, создали то психологическое настроение, которое заставляет особенно ярко представлять и воспринимать прошлое» (Клочков, 1983, с. 4). Но В.И. Сарианиди работал на древних поселениях Маргианы не несколько недель, и даже не несколько месяцев, а многие и многие годы. Он целиком погрузился в мир древних людей и, глядя на безжизненные руины, он как бы видел древних людей и перед его мысленным взором то и дело возникали неясные силуэты стен, башен, алтарей.

В результате В.И. Сарианиди решил начать раскопки — и чутье не обмануло его и на этот раз. Раскопки продолжаются и в настоящее время. Результаты оказались не просто богатыми, но ошеломляющими. Их общее описание опубликовано в нескольких книгах В.И. Сарианиди, с которыми специалисты и все интересующиеся древностью хорошо знакомы. Поэтому ограничусь самыми краткими сведениями.

Раскопки выяснили, что центральный бугор городища Гонур является цитаделью города, по выражению В.И. Сарианиди, «своеобразным кремлем». Это очень крупный (115 x 120 м) архитектурный комплекс, подквадратной формы, заключенный в мощную фортификационную систему: двойной ряд стен с 6 прямоугольными башнями на каждой стороне, причем внешние стены пронзали бойницы. Внутренняя планировка была очень сложной; она включала комплекс площадей, жилых, служебных, церемониальных и ритуальных построек. Самое крупное двухчастное сооружение являлось, согласно В.И. Сарианиди, «тронным залом», к нему примыкала жилая резиденция, две части которой могли быть «мужской» и «женской» половинами. Кроме того, имелось и несколько культовых микрокомплексов, в одном из них на возвышении установлен очаг, служивший для жертвоприношений.

В целом комплекс зданий «кремля» обнаруживает строго продуманную плани-

ровочную схему, вписанную в квадрат оборонительных стен и представляющую систему столь же строго разработанных схем отдельных зданий и дворов. Это настоящая монументальная архитектура, храмов.

К оборонительной стене с внешней стороны приикал комплекс храма огня, возможно, возведенный одновременно с дворцом. Храм имел очень большой двор, с трех сторон окруженный рядами узких параллельных камер, а с четвертой — группа помещений. Одно из них, двухкомнатное, стены и пол покрыты белым алебастром, как и примыкающий внутренний двор. Имеется еще одно помещение с алебастровой обмазкой стен и пола. Его особенность — «слепые окна». В углу храмового комплекса, за высокой глухой стеной, во дворе — на кирпичной платформе пять алтарей огня, а против них — два кирпичных хранилища чистой золы, сверху «запечатанные» кирпичом. Публикуя материалы раскопок храма огня Гонура, В.И. Сарияниди привел ряд аналогий помещению со «слепыми окнами» из древних памятников Северной Месопотамии, связанных с митани, для которых засвидетельствованы индо-иранские языковые связи.

К этому можно добавить, что в древнейшем из обнаруженных религиозных центров западных иранцев Тепе Нуш-и Джал (750–600 гг. до н. э.), также имеются «слепые окна». Наличие же специальных устройств для хранения священной золы внутри храма или теменоса — неперенный атрибут зороастрийского храма огня (Литвинский, Пичикян, 2000, с. 265, 357–359).

Вдоль каждой стороны оборонительной стены находилась полоса построек. Они были заключены во внешнюю (одинарную) оборонительную стену с башнями. Впрочем, постройки имелись и снаружи этой внешней оборонительной стены. В целом, это был крупный храмово-дворцовый комплекс.

Кроме того, на Гонуре был раскопан священный участок — теменос. Это огромный участок, имеющий в плане форму параллелограмма и обведенный мощной оборонительной стеной с круглыми башнями на всех фасадах и большой прямоугольник в середине северной стороны. Размер теменоса — около полутора гектаров.

Внутренняя планировка и застройка теменоса пережила длительную историю. Было выявлено три этапа (первый — с двумя фазами). На первом этапе в середине северной половины был вырыт большой, диаметром ок. 20 м, круглый водоем (глубиной 2 м), окруженный кирпичной стеной. Воду для его заполнения набирали рядом, в глубоким, 10 м, колодце, спуск к которому был снабжен кирпичными ступенями. Предполагается, что вода из водоема применялась при религиозных церемониях и для приготовления священных напитков.

В юго-западном углу был возведен храм. Это многокомнатная постройка очень четкой и правильной планировки. В центре храма находится квадрат, с четырех сторон окруженный обводным коридором. Целла связана с ними проходом в каждой из стен. Полы и стены помещений этого комплекса оштукатурены слоем белого алебаstra. Алтари, кирпичные контейнеры с чистой золой, сосуды, в которых, судя по химическим анализам, содержалась галлюциногенная жидкость (сок), специфическая композиция, покрытые белым алебастром помещения — всё это делает неоспоримым, что это был комплекс храма.

На позднем этапе почти в центре северной половины теменоса был возведен еще один храм, по плану напоминающий Тоголок-21. Этот «поздний» храм ограничен необычно массивной стеной прямоугольной формы с круглыми башнями по углам.

Из других культовых сооружений отметим наличие храмов воды.

На территории Гонура, к западу от дворцово-храмового комплекса располагается обширный некрополь, площадь которого превышала 10 га. Судя по частоте могил, здесь было погребено свыше 2500 гонурцев (по оценке В.И. Сарияниди, опубликованной в 2001 г.). Погребения располагались небольшими группами. Погребальные сооружения разнообразны. Преобладают шахтные с подбоем (75%) и простые ямные (14%). Имеются кирпичные цисты и камерные (с кирпичной постройкой внутри) — по 2,5%. Особые покойники (карлики, иногда дети) хоронились в ямных обожженных могилах. Более трех четвертей и, особенно, камерные погребения были ограблены в

древности. Тем не менее, некрополь, а также раскопки жилых и сакральных сооружений дали огромный материал. Обильны находки керамической посуды, имеются керамические антропоморфные статуэтки, в том же числе композитные каменные статуэтки, чрезвычайно многочисленные украшения (бусы, амулеты, ожерелья, браслеты, булавки и др.), предметы малой металлической пластики, торевтики, глиптики и др. Есть много предметов совершенно уникальных, в частности великолепные золотые и серебряные сосуды с изображениями. В камерных гробницах найдены мозаичные панно, изображения на которых поражают своим зрелым совершенством. Упомянем, что наряду с обнаружением конского захоронения, в камерных гробницах найдены части деревянных повозок и многое другое.

Помимо Гонура поразительных успехов В.И. Сарианиди достиг при раскопках и ряда других поселений, в частности, ценнейшие материалы были получены при раскопках храмов на Тоголок-1 и Тоголок-21, которые во многом дополняют результаты раскопок Гонура.

Раскопки Гонура В. И. Сарианиди освещал во многих заметках, статьях, сборниках и книгах¹. В этих книгах ярко проявляется стремление В.И. Сарианиди, наряду с информацией и обзором полученных при раскопках новых материалов, также изложить все те новые идеи и гипотезы, которые у него сформировались в процессе раскопок. При этом стремление довести до сведения коллег свои обобщения и гипотезы заметно опережают детальную публикацию собственного материала. Превосходные архитектурные планы и аксонометрия не сопровождаются археологическими разрезами, а бесчисленные раскопанные помещения не описаны, не приведены даже их размеры. Повидимому, за этими обзорными (иногда, как «Некрополь Гонура» — суммарными) книгами последуют серии томов, где все материалы раскопок, в том числе и целый музей

замечательных артефактов будут детально изданы.

Собственно говоря, один том такого описания и анализа уже появился. Я имею в виду книгу В.И. Сарианиди о печатях и амулетах (Sarianidi, 1998)². Этот фундаментальный труд — плод многолетних поисков и исследований автора. В процессе археологических раскопок в Бактрии и Маргиане было обнаружено много печатей и амулетов. В афганистанской части Бактрии в связи с археологическими открытиями возник подлинный бум любительских, т. е. хищнических, раскопок, особенно древних монет. При этом находили, в частности, печати и амулеты. Они поступали на базар Кабула, в лавки антикваров Пакистана, откуда попадали в музейные и частные коллекции Западной Европы и Америки. Множество таких печатей В.И. Сарианиди зафиксировал в лавках антикваров Кабула, а затем предпринял поездки по многим странам и обработал все печати и амулеты, которые хранились в крупнейших музеях мира, а также очень большие собрания частных коллекционеров. Каталог, представляющий основную часть книги, содержит описание свыше 1800 объектов, причем все описания сопровождаются фотографическим воспроизведением. Вначале идут печати и амулеты из Бактрии (их абсолютное большинство), затем из Маргианы. Исследовательский текст содержит классификационное описание всего материала с анализом мотивов, аналогиями, заключениями о происхождении многих из них, а также с разбором стоящих за ними мифологических представлений. Я считаю, что этот великолепный корпус является огромным вкладом в изучение искусства и мифологии, культуры древних жителей Бактрии и Маргианы, а также важным источником для решения ряда кардинальных историко-этногенетических проблем.

Итак, раскопки В.И. Сарианиди в Бак-

¹ Перечислим лишь научные сборники и монографии: Sarianidi, 1998; Сарианиди, 2001, 2002; Margiana, 2002. Последняя доступная мне печатная информация: Сарианиди, 2004. Для архитектуры см. также: Мамедов, 2003.

² В 2000 г. были опубликованы две большие статьи, посвященные анализу печатей БМАК: Winkelmann, 2000; Salvatori, 2000. Авторы этих работ в момент их написания еще не были знакомы со сводом печатей БМАК, опубликованным В.И. Сарианиди. Вместе с тем, их интерпретация и подходы представляют безусловный интерес.

трии и Маргиане привели к открытию новой, ранее неизвестной цивилизации — Бактрийско - Маргианского археологического комплекса. Когда археолог открывает новый памятник или группу памятников, то он сам и коллеги говорят о «везении». Если же при раскопках обнаруживаются обильные и интересные находки, говорят об «удаче». Но В.И. Сарияниди обнаружил целую цивилизацию! И это было, пожалуй, самым значительным открытием в его столь богатой открытиями жизни.

Следует отметить, что и в Маргиане, и в Северной Бактрии успешно работали и другие археологи, но вклад В.И. Сарияниди был решающим.

В своих трудах В.И. Сарияниди не раз обращался к вопросу о границах культуры БМАК, выдвигал доводы в пользу тесных связей с культурой и архитектурой обнаруженных при раскопках синхронных памятников Ирана и Белуджистана. К этому же склоняются и такие крупные исследователи иранской археологии, как К. Ламберг-Карловский и М. Този (Tosi M., Lamberg-Karlovsky, 2003).

В. И. Сарияниди считает Гонур-депе городом, столицей «царства Маргуш». В Бехистунской надписи Дария I упоминается в качестве области Marguš — одно из древнеперсидских названий этой страны. В эламском оно звучит как mar-ku-iš, в аккадском — mar-gu. Греки называли ее Μάρυος, Μάρυιαν (Kent, 1993, p. 202). Персы ахеменидского времени под термином «Маргуш», конечно, подразумевали долину Мургаба со столицей в Мерве. Гонур существовал по крайней мере за 1000 лет до этого и о языковой ситуации тех времен можно лишь строить догадки. Поэтому говорить о существовании «царства Маргуш» с центром в Гонуре можно лишь в переносном, а не в буквальном смысле.

Но это лишь деталь. Я понимаю, что обозначение «царство Маргуш» звучит куда более загадочно и привлекательно, чем «царство в сухой дельте реки Мургаб». Возможно, именно поэтому его предпочел В.И. Сарияниди.

Был ли древний Гонур городом? По своим размерам, по местоположению и по обилию монументальной архитектуры, по

количеству жителей, относящихся к высшему элитарному слою, Гонур, безусловно, был столицей — исследователь В.И. Сарияниди показал это с абсолютной убедительностью. Подтверждают это картографическая система поселений низовьев Мургаба и некоторые зарубежные исследователи (Tosi, Lamberg-Karlovski, 2003, p. 349–350).

В.И. Сарияниди говорит «о древневосточном» царстве Маргуш. Было. Раскопки некрополя ясно показывают степень социально-общественной дифференциации в обществе Гонура. Монументальные архитектурные сооружения свидетельствуют о наличии централизованного управления и социальной стратификации общества.

Присутствие вокруг Гонура целой серии более мелких поселений, как показал анализ, проведенный С. Салватори с применением статических методов, указывает и на наличие нескольких градаций поселений (Salvatori, 1998).

Трудно представить, что такое общество находилось на догосударственной стадии развития. Мне кажется, что В.И. Сарияниди прав — в II тыс. до н. э. в дельте Мургаба существовало небольшое, но высоко развитое общество, которое создало один из вариантов древневосточного государства.

Идеи В.И. Сарияниди о происхождении этого населения, отнесение их к ранним индоиранцам — ариям во многом очень привлекательна и находит основания по ряду направлений. До сих пор широко распространена теория, что арийцами, пришедшими в Среднюю Азию, а также Иран и Индию, были андроновские племена. Я сам много лет придерживался и развивал эту теорию (Литвинский, 1981). Но материалы раскопок и исследования В.И. Сарияниди поколебали мою убежденность и заставили задуматься о более сложном процессе, в котором участвовали и племена БМАК. Ведь ни в Иране, ни в Индии нет следов андроновской культуры, а многие общие черты с БМАК там присутствуют. Есть еще ряд доводов в поддержку этой теории, но есть и сложные проблемы, которые еще предстоит решить.

Теоретической базой, на которой В.И. Сарияниди строит свою теорию, является известная теория о происхождении и рас-

пространении индоевропейцев, выдвинутая Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым (Гамкрелидзе, Иванов, 1984), которая, несмотря на огромную эрудицию и талант авторов, не стала общепринятой. В определенной связи с этой теорией находится и гипотеза В.И. Сарианиди о распространении в «царстве Маргуш» протозороастризма. Раскопки в Гонуре значительно увеличили количество доводов в пользу этой теории, появился целый спектр новых данных. Однако, как мне кажется, для конца III — сер. II тыс. до н. э. корректнее была бы попытка связывать все эти факты не с зороастризмом (тогда он еще даже не маячил на горизонте истории), а с древнеиранскими или даже индоиранскими верованиями, которые впоследствии вошли в зороастрийский пантеон и ритуалы. То есть вести речь не о «протозороастрийских», а о «протоиранских» представлениях и церемониях и, соответственно, храмах (Литвинский, 1989).

Это лишь терминологический вопрос. В слове «протозороастрийский» первая его составная никак хронологически не определена, и термин в этой связи имеет право на существование, хотя определение «протоиранский» кажется более предпочтительным.

Но я не собираюсь здесь заниматься дискуссией. Мне хочется хотя бы предельно кратко рассказать о научном пути Виктора Ивановича Сарианиди, начиная с того далекого (55 лет назад!) времени, когда на кафедре археологии Среднеазиатского Государственного университета я, тогда совсем молодой преподаватель, учил Виктора азам археологии, и до настоящего времени, когда Виктор Иванович стал всемирно известным ученым, одним из столпов археологии Центральной Азии.

Главным направлением его работы было изучение бронзового века Бактрии и, особенно, Маргианы. Несколько лет назад он изложил свое собственное понимание результатов своего труда и отношения к нему многих коллег. Речь идет об «Эпilogue» к книге: «Некрополь Гонура и иранское язычество»:

«Эта моя книга подводит итог почти 30-летних полевых работ и кабинетных исследований по изучению “иранского язычества” и протозороастризма на археологиче-

ских материалах Маргианы и Бактрии.

Еще четверть века назад я был единственным, кто считал, что Маргиана обязана своим происхождением приходу сюда нового населения не столько из южного Туркменистана, сколько из много более западных областей, расположенных в передовых центрах Ближнего Востока и, в первую очередь, из района современного Курдистана. Понадобилось почти тридцать лет, чтобы эта гипотеза стала аксиомой, археологической реальностью.

Много сложнее стоит вопрос об индоиранской принадлежности пришлых племен. Тем не менее, почти сразу же с началом археологических исследований в Маргиане я выдвинул и сформулировал гипотезу о возможной принадлежности племен БМАК к индоариям, что затем неоднократно подтверждал на примере новых археологических данных, происходящих из Маргианы [Сарианиди, 1987. С. 52–65; Sarianidi, 1994, р. 667–680 и др.]. И хотя до самого последнего времени эта новая гипотеза не получила своей поддержки со стороны других специалистов, для меня представляет большое значение, что уже никто не может игнорировать фактические данные БМАК при рассмотрении индоарийской проблемы. В этой связи весьма важно, что в последнее время к этой точке зрения склоняется проф. Д. Маллори (ELEC, 1997). И это притом, что мы придерживаемся диаметрально противоположных точек зрения по проблеме «степного» или «земледельческого» происхождения индоиранцев.

Раскопки последних пяти лет некрополя Гонура дали новые доказательства, свидетельствующие, что БМАК представляет собой культуру подлинного «иранского язычества», в среде которого, в свою очередь, только и могла появиться зороастрийская религия. Впервые в храмовых церемониях и погребальных обрядах населения БМАК, как ни в одной другой археологической культуре Евразии, в таком концентрированном виде прослеживаются индоиранские и протозороастрийские корни будущей зороастрийской религии.

В настоящей работе я не ставил своей целью убедить кого-либо в правоте своей теории, а хотел лишь объективно показать

те новые археологические факты и наблюдения, которые я считаю возможным интерпретировать в свете новой теории по индоиранской проблеме и протозороастризму. Общеизвестно, что сила старых традиций и представлений намного сильнее, чем логика нового мышления. Для меня почти нет сомнений, что я не смог убедить многих своих коллег в правоте предложенной мной теории. Но столь же очевидно, что уже нельзя игнорировать археологические данные, приведенные в этой и в других моих работах по индоиранской проблеме, полученные в ходе многолетних и крупномасштабных раскопок в Маргиане. Ни один из моих нынешних и будущих критиков не сможет пройти мимо фактов, выявленных в ходе многолетних работ в Маргиане и Бактрии, которые заставляют заново оценить и исторически интерпретировать этот во многом новый и огромный материал.

Дворцы и храмы Маргианы, посвященные культу огня и галлюциногенному ритуальному напитку типа сома-хаома, вместе с описанными в этой книге погребальными обрядами некрополя Гонура с его ярко выраженным культом не осквернить “чистую” стихию землю разлагающимся трупом, не могут быть подвергнуты сомнению. Может быть только дана их другая историческая интерпретация, что вполне нормально. Ни одно будущее исследование, посвященное «иранскому язычеству» и «протозороастризму» не сможет не учитывать материалов БМАК, а этот «феномен» еще долго будет служить темой многих исследований. И не нужно быть Клитемнестрой, чтобы предвидеть, что новые идеи и концепции будущих авторов будут радикально отличаться от предложенной в этой работе. Но точно также очевидно, что старая теория о кочевом происхождении индоариев должна быть пересмотрена в свете вышеприведенных фактических данных и заменена принципиально новой, первое приближенное представление о которой дано в этой книге» (Сарианиди, 2001, с. 97).

Все прекрасно охарактеризовано, но сколько меланхолии и даже горечи в процитированном «Эпilogue». Мне представляется, что в этом В.И. Сарианиди, как говорится, «сгустил краски». Коллеги признают ог-

ромный вклад В.И. Сарианиди в изучение археологии Маргианы и всего БМАК — даже те из них, которые высказывают иные взгляды или выступают с критическими замечаниями. Так, К. Ламберг-Карловски и М. Този, высказав некоторые иные, чем В.И. Сарианиди, предположения о происхождении и судьбах населения БМАК, пишут: «Тем не менее, за примерно тридцать лет неутомимого труда (*undefatigably labor*) он [Сарианиди] представил нам культуру [БМАК], которая являлась глубоким импульсом на бронзовый век Азии» (Tosi, Lanberg-Karlovski, 2003, p. 350).

Что касается новых теорий, то, как показывает история науки, их признание, тем более признание единственно верными, длится порой столетия. Возникновение представлений об индоевропейской языковой общности относится к концу XVIII в. Написаны сотни томов, сотнями и сотнями ученых были проведены лингвистические, источниковедческие, археологические, палеоантропологические, палеоэкологические исследования. Тем не менее, общепризнанных идей о месте ее сложения, ее характере, путях распространения индоевропейских народов еще нет. Столько же времени продолжается исследование древних иранцев и зороастризма (как и древних индийцев). Опять горы книг. И все же нет единого мнения о времени и путях их расселения. До сих пор ученые гадают: где, в какой области, сложился зороастризм, когда и где жил его пророк. Называются Бактрия, Согдиана, Хорезм, Маргиана, Систан, Фарс и др. Сложение древнейших частей «Авесты» и жизнь Заратуштры помещают во временной интервал от XV до VII вв. до н. э. Этот перечень можно продолжать очень долго.

В каждой из этих проблем есть много звеньев, и появление нового звена, даже важные открытия в Маргиане, сами по себе не решают проблему, а только выдвигают необходимость нового осмысления всей цепочки звеньев. Открытия в Маргиане — безусловно, эпохальны, но их полная интерпретация в широком евразийском контексте еще потребует дальнейших исследований как самого В.И. Сарианиди, так, вероятно, и многих поколений исследователей.

Обозревая научную деятельность В.И. Сарианиди в целом, поражаешься, как много

открытий мирового класса он сделал. Иногда коллеги называют его «счастливым», говорят, что ему сопутствует «удача», — и это действительно так. Так как В.И. Сарияниди занимается происхождением зороастризма, то можно подумать, что имеющийся у каждого зороастрийца персональный фарн (в зороастризме Фарн — божество удачи, судьбы, благоденствия) на протяжении многих десятков лет действовал очень активно. Действительно, среди археологов есть очень немногочисленная группа «счастливых», которые делают поразительные открытия. Но в случае с В.И. Сарияниди, кроме благоволения Фарна, я бы открытия В.И. Сарияниди связал с вполне «земными» факторами: поразительная работоспособность и упорство, умение преодолевать все трудности, организационный талант. Прекрасное понимание всей системы жизни древнего человека, в сочетании с особым археологическим «чутьем» порождало то необъяснимое предвидение, которое заставляло В.И. Сарияниди упорно, я бы сказал — фанатично — продолжать работы на тех памятниках, которые иные коллеги считали бесперспективными. Но он работал — и добивался успеха.

Надо также отметить большой объем раскопок. Это стало возможным благодаря тому, что в экспедициях В.И. Сарияниди последние полтора десятка лет, кроме ученых из России, принимают участие исследователи из Туркменистана, США, многих стран Западной Европы, а экспедиция получает финансовую поддержку правительства Туркменистана, Греции, ряда западноевро-

пейских стран и США. В Туркменистане В.И. Сарияниди пользуется огромной известностью и всеобщим уважением. Указом президента С. Ниязова он стал гражданином Туркменистана, получил премию Махтум Кули.

Разумеется, не все безоблачно в отношениях В.И. Сарияниди с коллегами. Были конфликты, в которых он не всегда выступал в роли ангела. Но все это не прерывало его работу. Именно работа, экспедиция были главной целью его жизни.

Я попытался понять сам и осветить основные этапы научной биографии В.И. Сарияниди. За свои полстолетия упорнейшего труда он сделал колоссально много, в том числе целую серию эпохальных открытий. Им открыты новые эпохи, ранее неизвестные царства, новые цивилизации; великолепные памятники архитектуры, огромное собрание предметов искусства. Это была длинная эпопея триумфальных открытий и целая библиотека выпущенных им книг, сборников, статей.

Сейчас Виктор Иванович Сарияниди — один из ведущих мировых археологов, подлинная легенда центральноазиатской археологии.

Академик Академии наук
Таджикистана, иностранный член
Accademia Nazionale dei Lincei (Италия),
профессор

Б.А. Литвинский

Литература

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I–II. Тбилиси, 1984.
- Клочков И. Духовная культура Вавилона. М., 1983.
- Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этническая история Средней Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
- Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // СЭ. 1982. № 4.
- Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ. 1989. № 1.
- Литвинский Б.А. К генезису архитектурно-планировочных схем восточного эллинизма // ВДИ. 1996. № 4.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000.
- Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.

- Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М., 1977.
- Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1983.
- Сарианиди В.И.* В поисках страны Маргуш. М., 1993.
- Сарианиди В.И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарианиди В.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.
- Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 81–82.
- Топоров В.Н.* Славянские комментарии к нескольким архаизмам // Этимология, 1972. М., 1974.
- Сарианиди В.И.* Храм Гонур-депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас, 2004, № 3, Ашгабат.
- Bartholomae Ch.* Altiranisches Worterbuch. 2 Auflage. Berlin, 1961.
- Huff D.* Die bronzezeitliche Monumental Architektur in Zentralasien und Kulturtransfer. Der Wandel Vorder- und Zentralasiatische Kulturen im Umbruch von 2. zum 1. vorchristliche Jahrtausend. Bonn, 2001 (Kolloquien zur For- und Frühgeschichte, Bd. 6).
- Kent R.* Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon. Second edition. New Haven, Conn., 1993 (American Oriental Series. Vol. 33).
- Margiana.* Gonur-depe Necropolis. II Punto Edizioni, n.d. Venice, 2002.
- Modi J. J.* The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees. Bombay, 1922.
- Pugachenkova G.A.* К типологии монументального зодчества стран среднеазиатского региона // Iranica antiqua. Vol. XVII. Gent, 1982.
- Salvatori S.* The Bronze Age in Margiana // Gubaev A., Koshelenko G., Tosi M. (Eds) The archaeological map of the Murghab delta. Preliminary Report (1990–1995). Roma, 1998.
- Salvatori S.* Bactria and Murghab Seals. A new assessment of their chronological position and a typological survey // East and West. Vol. 50. N 1-4. Roma, 2000. P. 97-145.
- Sarianidi V.I.* Bactrian Gold from the excavations of the Tilla-Tepe necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998a.
- Scerrato U.* L'Edificio sakro di Dahan-i Gulaman (Sistan) // Atti del Convegno sul tema «La Persie e il mondo greco-romano». Roma, 1966.
- Scerrato U.* La Missione archeologia Italiano nel Sistan Persano // Il Veltro Revista della civiltà Italiano. Vol. II. Anno XVI, 1970.
- Scerrato U.* Missions archaeologiques Italianes au Sistan // The Memorial Volume. VI International Congress of Iranian art and Archaeology, 1968. I. Teheran, 1972.
- Scerrato U.* Evidence of religious life at Dahan-i Gulaman, Sistan // SAA. Vol. 2. Naples, 1979.
- Steblin-Kamensky I. M.* Avestan kəmčit caṇrušanam // EW. Vol. 45. № 1–4. Roma, 1995.
- Tosi M., Lamberg-Karlovsky K.* Pathways across Eurasia // Art of the first cities. The Third Millenium B. C. from Mediterranean to Indus valley \ Aruz E (Ed.). New York, 2003
- Winckelmann S.* Intercultural relations between Iran, the Murgabo-Bactrian Archaeological Complex (BMAC), Northern Iran in the field of Seals // EW. Vol. 50. N 1-4. Rome, 2000. P. 43-95.
- Zeimal E.V.* Tilla-tepe with in the context of the Kushan chronology // Alram, Klimbung-Saltee (Eds). Coins, art, and chronology. Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian borderland. Wien, 1999.